

**Новые носители марийского как фактор
вitalности этнического языка в диаспоре¹**
***New speakers of Mari as a factor
in diaspora language vitality***

М. В. Куцаева

M. V. Kutsaeva

Новые носители — важный объект исследования в социолингвистике миноритарных языков, поскольку являются одним из факторов витальности этнического языка. В статье на материале социолингвистического обследования, проведенного автором в марийской диаспоре московского региона, изучается проблема новых носителей марийского языка. Их стремление и желание стать членами языкового сообщества со всей неизбежностью сталкиваются с господствующими в нем идеологиями легитимности и аутентичности, пуризмом и прескриптивизмом — установками, противостоять которым способны немногие.

---

¹ Работа выполнена в рамках госзадания № 1021100513470-3/AAAA-A19-119110700088-4 «История и структура алтайских и уральских языков». Статья представляет собой расширенную версию доклада “New mari speakers as a factor of an ethnic language maintenance in Moscow region mari diaspora group”, прочитанного в рамках международной конференции “Multilingual Urban Space: Policy, Identity, Education” (НИУ ВШЭ, Москва, 12–14 апреля, 2021). Пользуясь случаем, автор благодарит М. Б. Бергельсон и Д. Ю. Зубалова за ценные замечания, сделанные в ходе обсуждения доклада.

Ключевые слова: марийский язык, внутренняя диаспора, московский регион, новые носители марийского, миноритарные языки, языковые идеологии, пуризм, прескриптивизм

New speakers are a key object of sociolinguistic analysis in minority language research and an important factor in language vitality. The present article, based on a sociolinguistic survey conducted by the author among the Mari diaspora in the Moscow region, deals with the problem of new Mari speakers. These are people who seek to become members of the Moscow Mari language community but face prevailing ideologies of legitimacy, authenticity, purism, and prescriptivism, which not many can overcome.

Key words: Mari language, internal diaspora, Moscow region, new Mari speakers, minority languages, language ideologies, purism, prescriptivism

DOI: 10.37892/2313-5816-2021-2-5-34

1. Введение

В силу исторических причин (подробнее об этом см. [Сепеев 2006]) 46,9 % (256 742 чел.) от всего марийского населения Российской Федерации (547 605 чел.) проживает за пределами Республики Марий Эл как компактными (Республики Башкортостан, Татарстан, Свердловская и Кировская области, Пермский край), так и дисперсными группами в других регионах страны, в том числе и в московском (4 655 чел.) [ВПН]. Учитывая сильную географическую распыленность марийского этноса, а также категоризацию статуса марийского языка в пределах того или иного территориально-административного образования (подробнее об этом см. [Агранат, Куцаева 2020]), острой для марийцев представляется проблема сохранности этнического языка.

В 2019–2021 гг. автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре московского региона (выборка составила 106 человек, сто из них принадлежат первому поколению диаспоры, шесть —

второму), посвященное выявлению и описанию функционирования этнического языка, в том числе изучению факторов, способствующих его витальности в условиях диаспорного проживания группы (подробнее об опыте обследования см. [Куцаева 2020а]).

Как показали результаты опроса, этнический язык является для марийцев важным маркером идентичности, утрата марийского во втором поколении почти неизбежно приводит к утрачиванию других этнических маркеров и, как следствие, — к размыванию границ этнической группы [Куцаева 2020б: 148]. Бытующее в марийской среде выражение «*марий ватын руш ўдыржӧ*» (русская дочка марийской женщины) // «*марий ватын руш эргыже*» (русский сын марийской женщины) неоднократно использовалось респондентами при описании ситуации невладения другими марийцами этническим языком или стеснения в его использовании. «*Обязательно на марийском. Как я могу с марийцами говорить на русском, это вообще как-то неуважительно! Ну не то что неуважительно, а вообще как-то — никак, никуда! Например, если какая-нибудь девушка пришла и забыла свой язык, ну, конечно же понимает, но говорит только на русском. На марийском такое есть выражение: “у марийской женщины русская девочка”, ну, как бы вот такое, если дословно перевести. Или “у марийской женщины русский мальчик”*» (I, Ж., 31)². Однако отказ от использования марийского не всегда обусловлен стыдом «быть марийцем»; стеснение обязательно свидетельствует о низкой языковой лояльности.

В ходе обследования были выявлены случаи, когда респондентам, по их признанию, довелось испытать сложности, ощутить неуверенность в их стремлении стать частью ма-

² Здесь и далее в скобках последовательно приводятся:

- 1) поколение в диаспоре, к которому принадлежит респондент;
- 2) пол респондента;
- 3) возраст респондента.

рийского сообщества, а некоторые из них находятся в самом начале этого трудного пути — добиться признания языкового сообщества. *«У меня все равно был какой-то принцип, что я разговаривала только на русском: я такая вот русская девочка — извините! Не знаю, с какого момента это началось, но в школьные годы точно: вот всё, я прямо по-русски разговариваю, а на марийском я не умею! Я, возможно, и стеснялась. Потому что у меня не получалось на марийском языке хорошо разговаривать. То есть это из какой серии — то, что надо мной смеялись. То, что я марий ватын руш ўдыржӧ»* (I, Ж., 27). Необходимо отметить, что в условиях, когда некоторая часть этнической группы достигла совершеннолетия, не усвоив язык предков, группа сталкивается с острой проблемой: настаивая на том, что знание этнического языка необходимо для «подлинного» членства в группе, члены группы таким образом маргинализируют молодежь; в противном случае они вынуждены придавать меньшее значение языку в качестве компонента этничности и большее — другим аспектам. Это не наносит какой-то особый удар по этнической идентичности, поскольку другие маркеры этничности с легкостью заменят язык предков. Но этнический язык, однажды утраченный, не так легко восстановить, в отличие от других маркеров идентичности, а культурное содержание, которое несет в себе этнический язык, никогда не подлежит полному восстановлению [Dogian 1999: 33–34].

В общей выборке (106 чел.) выделены две категории опрошенных (всего 15 человек). В первой — некоторые представители первого поколения диаспоры: уроженцы Марий Эл (мест компактного или дисперсного проживания марийцев). Во второй категории представлены опрошенные второго поколения, которые выросли в московском регионе. Для представителей обеих групп характерно, во-первых, использование русского в качестве функционально первого языка; во-вторых, желание использовать марийский за пределами исключительно символической или фатической функ-

ций, в естественной коммуникативной ситуации; в-третьих, при попытке активного употребления марийского языка получение ими оценок, подчас негативных, со стороны «аутентичных», «подлинных», «идеальных» носителей марийского языка (уроженцев сельской среды Республики Марий Эл и мест компактного проживания марийцев). Совокупность перечисленных выше факторов позволяет определить данных представителей в выборке в качестве новых носителей марийского языка.

Понятие «новые носители» еще не стало предметом окончательной академической категоризации; однако такие носители существовали всегда, когда носители различных языков вступали в контакт друг с другом. В настоящее время в мире насчитываются миллионы новых носителей, что сопряжено с интенсивными миграциями населения в том числе. Парадигма новых носителей главным образом получила свое развитие в контексте усилий по ревитализации миноритарных языков; таким образом, новых носителей часто представляют в качестве носителей, отвоевавших право на использование миноритарного языка. К разряду новых носителей относятся пользователи языка с довольно широким набором языковых компетенций: от начинающих и потенциальных до опытных пользователей. Многими исследователями по социолингвистике и смежным дисциплинам признана важность изучения пользователей языка, чьи языковые биографии, обстоятельства овладения языком и мотивации более разнообразны и полны нюансов, в сравнении с биографиями прототипических «носителей языка» [Smith-Christmas et al. 2018: 1–8, 165]. В широкой трактовке «новые носители» — это лица, которые имели небольшой контакт или вовсе не имели такового с языком предков в семье или в языковом сообществе, но овладели им, например, через систему образования или же во взрослом возрасте и предпочитают использовать его в целях коммуникации; а также те, кто приобрели пассивное знание языка в детстве и стремятся стать активными пользователями

языка (именно они в настоящее время представляют собой значительную долю потенциальных носителей в языковом сообществе). Таким образом, новые носители не составляют однородную группу, и дефиниции тех, кто может быть определен в качестве новых носителей, варьируют в зависимости от социолингвистического контекста [Там же: 46–71, 93].

Языковое сообщество не является, как это часто представляется, монолитной конструкцией: внутри любого сообщества наблюдаются глубокие разногласия относительно языка, его статуса, областей использования, функций, политики — а также относительно того, кто обладает властью и правом принимать решения по данным аспектам. Следовательно, необходима более широкая трактовка языкового сообщества, в которое бы вошли не только индивиды, говорящие на данном языке, но также бывшие носители (которые выросли в этом языке, но по причине отсутствия практики в течение долгого времени утратили навыки пользования этим языком), полуносители, а также все те, кто идентифицирует себя этнолингвистически с языком: потомки носителей, учащиеся, учителя, языковые активисты и др. [Sallabank 2013:11–13].

В общей выборке (106 человек) 93 % респондентов заявили о том, что владеют марийским языком (уровень владения языком нами не верифицировался, это не входило в задачи исследования) [Куцаева 2020б]. В большинстве случаев трудно учесть тех, кто действительно свободно владеет языком, поскольку свободное владение — зачастую вопрос впечатления или мнения [Dauenhauer, Dauenhauer 1998: 71–72], кроме того, более фундаментальное различие между двумя интеллектуальными категориями — знанием и владением — заключается в том, что знание языка может быть пассивным, в то время как владение языком с необходимостью предполагает наличие определенных активных навыков в обращении с языковыми средствами [Беликов, Крысин 2016: 51]. В интервью респонденты указывали на разный уровень владения языком, что позволило в итоге выделить группу лиц, которую

мы условно отнесли к категории новых носителей марийского языка, в подавляющем большинстве случаев они испытывают внутреннюю потребность в том, чтобы *«немножко ... более бегло разговорчивым стать на марийском»* (I, М., 31).

Во втором разделе настоящей работы описаны языковые биографии респондентов, которые были выделены нами в качестве новых носителей, а также причины, по которым они слабо или вовсе не владеют этническим языком, и выявлены мотивации, побуждающие респондентов активизировать остаточные знания марийского языка. В третьем разделе рассмотрены языковые практики новых носителей и языковые идеологии традиционных носителей, с которыми новым носителям приходится сталкиваться при использовании марийского языка за пределами символической или фатической функций языка.

2. Новые носители марийского в диаспоре московского региона

В общей выборке выделены 11 представителей первого поколения диаспоры, из них шесть являются уроженцами Республики Марий Эл, четыре — мест компактного проживания марийцев (Республика Башкортостан [один чел.] и Кировская область [три чел.]) и один — дисперсного. Во втором поколении в выборке — четыре респондента, которые также могут быть идентифицированы в качестве новых носителей марийского языка. Кратко рассмотрим сходные моменты их языковых биографий (по регионам в первом поколении и по поколениям в диаспоре [первое, второе]) и факторов, которые способствовали тому, что для респондентов, этнических мари, функционально первым языком стал русский (п. 2.1.), а также мотиваций, которые выступили для них стимулом для реактивации этнического языка в настоящее время (п. 2.2.)

2.1 Языковые биографии новых носителей марийского в выборке

Уроженцы Республики Марий Эл, районов распространения лугового марийского языка (в выборке возраст респондентов колеблется от 27 до 47 лет), родились или выросли в семьях, где оба родителя — марийцы, проживали в относительно крупных населенных пунктах в сельской местности со смешанным в этническом плане населением (при этом представители старшего поколения в семье проживали в *марийской* деревне), в детстве посещали детский сад, где языком воспитания выступал русский, далее являлись учащимися *русского* класса. Вкупе это приводило к формированию негативных установок не только в отношении марийского языка, но и этнической идентичности. *«В нашей школе был марийский язык, но он был в параллельном классе, у нас был чисто русский класс. В те времена у нас было в школе две параллели, “А” класс и “Б” класс, “А” — это дети из деревень, они в садик не ходили, они находились с бабушками, с родителями в основном. А класс “Б” — это в основном были те, кто ходил в детский сад в селе, и они все прямиком с этой группы попадали в класс “Б”. Такой был принцип комплектования. Везде с нами разговаривали по-русски. Это было советское время. Марийского вообще не было. У меня не было. Только на бытовом уровне с родителями, с бабушками и дедушками. В основном говорил на русском, но используя марийские слова иногда, рассказывая что-то. Моя мама — учитель, повелось так, что со мной она разговаривала на русском. Между собой родители разговаривали на марийском. Но я понимать-то понимал. Практически все. Редко-редко я отвечал на марийском. В охотку. Бабушки и дедушки знали русский язык очень плохо, особенно бабушки. А дедушки все-таки воевали, знали русский язык. В деревне мама иногда говорила: “Вот бабушке надо это сказать. Еще что-то сказать там”. На все лето никогда в деревне не оставались, у самих большое хозяйство было,*

мы приезжали в деревню на день-два. Когда был в школьном возрасте, невольно учась в русском классе, как-то... не знаю, может, было какое-то отрицание национальной принадлежности. В школе мы общались с “А” классом на русском. Нормальный у них был русский, но для русских ребят они все равно были “вот вы — марийцы!” Нас это не касалось, потому что мы были в одном классе, может из-за этого» (I, М., 47).

Обучение представителей когорт в возрасте до сорока лет в выборке пришлось на период языковых реформ и введения в школьные программы обязательного изучения марийского языка в качестве государственного языка. Впрочем, по мнению опрошенных, это никак не повлияло на их знание марийского. *«Обучение на русском, но был предмет “Родной язык”, и мы делились по классам. Государственный марийский был, у удмуртов был удмуртский, у татар — татарский. С первого класса. В плане марийского языка школа вообще ничего не дала. Я в детстве у бабушки часто бывал, и там как-то все на марийском языке было» (I, М., 29).*

Три респондента (от 29 до 38 лет) являются уроженцами Кировской области, мест компактного проживания марийцев (Уржумский и Яранский районы): два человека родились в марийских деревнях, один — в поселке городского типа. В семье родители, этнические марийцы, общались с детьми на русском языке, хотя между собой часто употребляли марийский и, возможно, даже использовали его в общении с детьми до того момента, как те поступали в дошкольное образовательное учреждение. Языком воспитания в детском саду и языком обучения в школе выступал исключительно русский язык. База марийского языка у респондентов — от старших родственников (бабушки) из деревни, а также от ровесников в детском саду и школе, в семьях которых практиковался марийский и которые вследствие этого использовали *«некоторые элементы марийской речи в русском языке» (I, М., 31).*

Примечательно, что респондентами неоднократно подчеркивался тот факт, что им удалось сохранить свою марийскую идентичность в «русском регионе»; именно так — как островков марийского края внутри российского региона — воспринимают они место своего рождения. Санчуро-Яранский район издавна отличался смешанным марийско-русским составом населения: на протяжении XIX в. интенсивный приток русских привел к тому, что коренные марийцы оказались и в численном меньшинстве, и разделенными на несколько территориально обособленных групп, и подвергшимися значительному обрусению [Козлова 1978: 287]. В уржумско-вятские земли, свободные и более плодородные, русские переселенцы проникли позднее, чем в марийскую среду Яранского уезда, но они также подверглись интенсивной колонизации [Там же: 315–318]. В советский период вследствие территориально-административного деления Кировская область вошла в состав РСФСР: подобные «мелочи» в административном делении существенно сказывались на сохранности языков [Беликов, Крысин 2016: 282–283]. *«Я вырос в русском регионе, в русском языке, марийский язык нигде не преподают, нет ни одной марийской книги, нет марийских названий»* (I, М., 29). *«Это Кировская область, просто там четко это было видно, что в Марий Эл, вот именно там — на марийском, а Кировская область — это с советских времен еще политика русификации по отношению к марийцам. Она дала... заметный след на образовательную деятельность тоже»* (I, М., 31). В итоге респонденты не изучали марийский в школе. Хотя, по свидетельству одного из них, родители учащихся неоднократно обращались в районный отдел образования с просьбой ввести в программу марийский в качестве предмета изучения, эти просьбы, однако, были оставлены без внимания.

Немаловажным представляется и господство идеологии, согласно которой освоение языка доминирующей группы возможно лишь за счет отказа от своего этнического языка.

«Это родители у меня виноваты, что я не знаю марийского! Когда я спрашивала родителей, почему они нас не обучили марийскому, почему они с нами на русском разговаривали, они сказали, что вот боялись, что мы потом будем плохо знать русский, что у нас будут проблемы. У них у самих-то такой проблемы не было! Я не знаю, с чего это они взяли, что у нас будут проблемы. Они хорошо знают и марийский, и русский!» (I, Ж., 38).

Один респондент в выборке является выходцем из городской среды Башкирской АССР и с марийским языком эпизодически сталкивался в марийской деревне, расположенной в местах компактного проживания мари на территории Башкортостана. Другой респондент родился в этнически смешанном браке в районе дисперсного проживания марийцев; его отец, мариец, крайне редко использовал марийский, в основном когда приезжали родственники из Марийской АССР.

Представители второго поколения в выборке, которых мы отнесли к категории новых носителей марийского, родились в семьях, где оба родителя — марийцы, и в свою очередь идентифицируют себя в качестве этнических марийцев, детство и юность респондентов прошли или проходят в московском регионе, языком обучения всегда выступал для них русский язык. Что касается этнического языка, то марийский присутствовал во внутрисемейном общении взрослых между собой, а также окружал их в марийской деревне, в которой респонденты проводили каждое лето и где так или иначе пытались его практиковать.

2.2 Мотивация новых носителей для «реактивации» марийского языка

Теория изучения языка особую роль отводит мотивации. Различают инструментальную и интегративную мотивацию. Инструментальная мотивация отражает прагматические, утилитарные мотивы, в большей мере она самоориен-

тирована и индивидуалистична, обусловлена поиском индивидуальным призвания, статуса, достижений, личного успеха, самосовершенствования, самореализации или базовой безопасности и выживания. Интегративное отношение к языку, напротив, социально и межличностно по своей ориентации; связано с потребностью в принадлежности группе, предполагает привязанность или идентификацию с языковой группой и ее культурной деятельностью. Различие между двумя видами мотивации носит скорее концептуальный, нежели эмпирический характер [Baker 1992: 31–33]. «Возрождение» этничности и последующее осмысление взаимоотношения между языком и идентичностью инструментальны в оценке природы интегративной мотивации: целями изучения языка при таком подходе являются идентичность и интеграция. Изучение соответствующего языка позволяет индивиду создать близкую связь с этнической группой, вновь утвердить свою идентичность в прошлом и нынешнем языковом сообществе [Spolsky 1998: 189], что подтверждается и стремлением респондентов в выборке, с одной стороны, воссоединить свои связи с группой, с другой стороны — найти себя и свое место в этой группе.

Для некоторых респондентов первого поколения стимулом для «реактивации» марийского выступил переезд в московский регион и появившееся спустя время желание сохранить свою этническую идентичность. *«Мне самому нравится свой родной марийский язык, и я вот общаюсь. Если честно, было это не всегда. Когда я в Москву приехал и где-то года три проработал, потом как-то сам по себе стал на марийском общаться. А так обычно на русском общался. Были, конечно, здесь словечки, на марийском проскальзывали. А сейчас в основном на марийском. Скажу вам одно. Так как живешь вдали от родного гнездышка, марийский язык и республика Марий Эл все дороже и дороже, все ближе и ближе. Хочется все-таки жить у себя на родине, как-никак»* (I, М., 36). Кроме

того, поиск отдельными респондентами творческой самореализации и поддержание связи с этнической музыкальной культурой способствовали ревитализации в каждом конкретном случае их этнического языка: *«Поэтому в процессе пения, концертов, гастролей у меня язык более-менее подучился»* (I, М., 29) (подробнее об этом см. [Куцаева 2020в]). У некоторых опрошенных с годами возникла тяга к корням: *«У меня так получилось, что я уехала рано, да еще не в марийской школе училась, у меня просто корни тянут слегка»* (I, Ж., 53). В одном случае мотивация обусловлена тем, что в браке супруг — этнический мари, отлично владеющий марийским.

Во втором поколении лишь один респондент из четырех, старше 20 лет, проявил *«в осознанном возрасте осознанный интерес к марийскому языку»* (II, М., 29), остальные, младше 20 лет, в настоящее время подобного интереса, кажется, не демонстрируют. *«Я думаю, не будет проблем с тем, чтобы подтянуть марийский. Но я просто не понимаю, для чего он мне нужен будет»* (II, М., 18). Причина заключается в том, что в свое время респонденты пытались практиковать марийский, но, по их словам, столкнулись с насмешками и непониманием со стороны родителей, родственников, людей из непосредственного окружения, тех, кто активно владеет этническим языком. В настоящее время респонденты «живут» в языке, в языковом окружении в семье, слышат, как на нем общаются (хотя бы изредка) старшие родственники, однако после собственных безуспешных или неудачных попыток говорить на марийском, они его практически не используют, поскольку желание это в некотором роде было у них отнято. Другая причина видится нам в юном возрасте сегодняшних респондентов, поскольку поиск идентичности, подразумевающий возврат к корням и этническому языку, приходится, как правило, на средний и старший возраст, что подтверждается свидетельствами респондентов первого поколения диаспоры.

3. Новые и традиционные носители марийского языка

В настоящем разделе будут рассмотрены языковые практики новых носителей марийского (употребление марийского языка в марийской деревне (п. 3.1.), использование марийского в новых технологиях (п. 3.2.) и одновременно языковые идеологии традиционных носителей, с которыми приходится сталкиваться и справляться новым носителям, отвоевывая таким образом свое право на использование этнического языка.

3.1 Языковые практики новых носителей и идеологии традиционных носителей

Языковые практики — это стратегии языкового выбора, другими словами, по определению Фишмана, «кто говорит на языке, когда и где», расширенное до «как и почему» [Sallabank 2013: 81].

По мнению большинства опрошенных в выборке, марийская деревня является основным источником инициации в марийский язык и способом его дальнейшей практики для представителей первого поколения (в прошлом — так называемых городских детей, уроженцев городской среды) и представителей второго поколения, выросших в московском регионе. Однако на деле первые их робкие попытки использовать в сельской местности марийский язык, кажется, вскоре оборачиваются неудачей: *«По праздникам и по каким-то выходным ездили в деревню. Я общалась по-русски, а потом я как-то подросла немножко и попыталась с подружками по-марийски поговорить. Они меня обсмеяли. То есть у меня говора не было марийского. И я замкнулась в этом. Я что-то, видимо, сказала. И я даже до сих пор этот момент помню. И какая-то девочка — представляете, у меня это отложилось до сих пор! — она посмеялась. Видимо, с акцентом. И я даже сейчас чувствую, что у меня нету акцента марийского. Потому что, когда мы ходили на мероприятия здесь в Моск-*

ве, что-то нужно было рассказать, и они меня долго поправляли. У меня ударения неправильно. Произношение. Они говорят: “Да, чувствуется”. — “Да потому что я в городе жила, я не общалась!” Они уже потихонечку теперь на меня не обращают внимания» (I, Ж., 53). «В деревне бабушка со мной разговаривает на марийском: например, если она просит что-то принести. Ну, я как бы все понимаю. Приношу. Но я с ней разговариваю на русском. Вообще, когда к ней в гости приходят, я с ней сижу, и вот они начинают там что-то рассказывать. Бабушка, например, рассказывает, что с ней произошло. Естественно, она все говорит на марийском. И я сижу такая — тоже слушаю, все понимаю. На марийском я сама чтобы — просто как-то непривычно. У меня такое ощущение, как будто у меня какой-то акцент появится. Или я что-то там... запнусь. Как-то вот, например, по-английски особенно такого страха у меня нет. Ну, меня никто как бы не слышал, чтобы я говорила на марийском, и если я начну, то все удивятся. И мне всё прямо не нравится — всё внимание. Внимание. Удивление. Типа — ой, ты разговариваешь! А с английским, например, такого страха нет, его же все и так изучают! Раньше вот охали братья двоюродные, дяди. Ну, и я такая думаю, ну ладно не буду, всё! Ну они это так удивлялись, что я не разговаривала, не разговаривала и оп — заговорила! Они не то чтобы издевались. Скорее всего, если бы они так не удивлялись, я бы и дальше разговаривала. Просто, знаете, я когда про себя думаю, что вот начну говорить, то все начнут удивляться. И я у себя сразу в голове момент этот кручу и такая... думаю-думаю и решаю, что не буду лучше говорить совсем» (II, Ж., 15). К сожалению, подобный лингвистический опыт, полученный в уязвимом в психоэмоциональном плане возрасте (каким, безусловно, является подростковый), едва ли способствует тому, что практика этнического языка продолжится в будущем. Впрочем, нелегко приходится и тем, кто уже в зрелом возрасте принимает осознанное решение — говорить на марийском с земляками

в московском регионе — и делает это после долгого перерыва: «*Разные люди есть. Есть, которые смотрят и “разговаривают” будто одолжение делают. Есть, которые поддерживают и хвалят*» (I, М., 47). Языковые практики новых носителей марийского сталкиваются, таким образом, с языковыми идеологиями традиционных носителей.

Языковые идеологии — это набор убеждений о языке, разделяемых членами сообщества; поскольку эти убеждения глубоко укоренились, их происхождение зачастую забывается самими говорящими, в результате чего эти убеждения социально воспроизводятся и воспринимаются в качестве естественных и здравых суждений, маскируя процессы социальной конструкции в действии [Smith-Christmas et al. 2018: 25]. Языковые идеологии касаются не только языка, они также устанавливают связи языка с идентичностью, эстетикой, моралью и эпистемологией, через эти связи укрепляется само понятие личности и социальной группы [Woolard 1998: 3].

Наиболее существенными, на наш взгляд, языковыми идеологиями, препятствующими использованию марийского языка новыми носителями в московском регионе, являются *идеология аутентичности и легитимности*, закрепляющая господство модели традиционного носителя [Smith-Christmas et al. 2018: 5], и так называемая *идеология языка — местности*, подчеркивающая связь между языком и определенным местом, точнее *опытом* определенного места, согласно которой язык «прикован» к определенному месту, именно в этом месте и *только* в нем на языке разговаривают. Однако отношение между языком и местом существует не просто как ассоциация между языком и географической территорией, но охватывает связь между местом и особой социо-исторической траекторией [Там же: 143].

Под традиционными носителями подразумеваются те, кто освоили язык путем его межпоколенной передачи в семье в тот период, когда этот язык являлся повседневным средством общения и способом первичной социализации

в данном языковом сообществе; традиционные носители могут и не владеть нормами литературного языка, их речь может быть насыщена фразеологизмами и регионализмами и может рассматриваться в качестве аутентичной и естественной, более чистой и свободной от влияния доминирующего языка [Sallabank 2013: 13–14].

Внутри марийского языкового сообщества нами выявлено не только господство модели традиционного носителя, но и иерархическая структура внутри самой модели, сложившаяся вследствие:

- 1) сильной распыленности марийского этноса, проживания значительной его части за пределами Республики Марий Эл;
- 2) юридического статуса, закрепленного за марийским языком в Республике Марий Эл, и расширенными сферами его использования в РМЭ (в сравнении с местами компактного и дисперсного проживания марийцев на территории Российской Федерации),
- 3) особого положения, занимаемого де-факто отдельными говорами (например, моркинско-сернурским, легшим в основу литературной нормы марийского лугового языка (об острой борьбе за выбор диалектной основы литературного марийского языка см. [Иванов 1975: 88]).

В ходе интервью стало очевидным, насколько сильное влияние имеет в марийском языковом сообществе внутренний прескриптивизм — доктрина, согласно которой некий диалект является правильным, и, соответственно, именно он может быть предписан к использованию, тогда как другие — нет [Edwards 2009: 259]. *«Я жила в Моркинском районе, где языком считается литературный язык»* (I, Ж., 37). *«Ну то есть наш марийский не чисто такой... чисто-чисто... ну то есть наш оршанский — некоторые слова ближе*

к русскому языку» (I, Ж., 33). *«Ну, у меня марийский, но у меня не чисто марийский, как в Республике, у нас он такой вот смешанный, у нас уже с татарским языком почему-то. Я вот это узнаю уже сейчас, когда старше становлюсь, для меня раньше казалось, что это марийский язык. А сейчас я понимаю, что, оказывается, это не марийский язык: слова-то не марийские, а некоторые — татарские!»* (I, Ж., 36). *«Я могу написать на родном диалекте или Вам нужен литературный, как в Йошкар-Оле? А то луговые и горные, услышав наш диалект, могут подумать, что написано с ошибками»* (I, М., 29). Как видим, носители марийского как группа четко ранжированы на тех, кто может считаться самым/более/мнее/наименее традиционным носителем марийского языка (о связи прескриптивных аттитюдов и практик с идентичностью см. [Edwards 2009: 213]).

Позиции и сохранность марийского языка выше в сельской местности. Несмотря на то что темпы урбанизации марийского населения неуклонно растут (доля городского марийского населения в Республике составляла 7,4 % в 1959 г., 26,4 % — в 1979 г., 36,8 % в 1989 г. [Народы Поволжья 2000: 197]), среди марийцев по-прежнему преобладает сельское население над городским как в Республике Марий Эл (67,8 % всех сельчан составляют марийцы), так и по России: 57,4 % от всего населения марийцев на территории РФ (314 426 чел.) — сельское, 42,6 % (233 179 чел.) — городское [ВПН 2010]. Марийский язык в сознании опрошенных имеет стойкие ассоциации с марийской деревней и деревенским укладом жизни, с уместностью использования марийского скорее в деревне, нежели в городе [Куцаева 2020б: 131].

Лингвистические практики и идеологии причудливо переплетены, границы между ними пористы и проницаемы [Smith-Christmas et al. 2018: 12]. Идеологии пронизывают повседневность, проникая в обычные практики и действия. «Идеология» всегда подразумевает, что кто-то другой, с других позиций может иметь иную точку зрения, поддержи-

вать иную идеологию. В этом смысле идеология — нечто, что может быть оспорено. Изнутри группы идеология кажется обобщающим видением, которому под силу объяснить все и вся. Обычно именно сторонний наблюдатель называет подобное видение «идеологией», но и внутри группы есть те, кто признает существование «неверующих». Таким образом, идеология имплицитно указывает в определенном смысле на оспаривание [Gal, Irvine 2019: 13].

В языковом сообществе и усилиях отдельных его представителей по ревитализации языка, находящегося под угрозой исчезновения, наблюдается действие противоположных, имплицитных идеологий, представляющих скорее полярные точки континуума, нежели точку зрения подавляющего большинства членов сообщества, так называемых *статических* и *динамических* идеологий. *Статические* идеологии разделяются «традиционалистами», для которых автохтонный язык имеет в большей степени ностальгическую ценность, и усилия по его сохранению лежат в плоскости представления-спектакля, а не в повседневном использовании. Сторонники *динамической* идеологии стремятся увеличить языковое сообщество путем привлечения новых носителей с разными языковыми биографиями и «реактивации» потенциальных носителей, полуносителей, а также расширить сферы использования языка и упрочить его престиж [Sallabank 2013: 197–198]. Присущие марийскому языковому сообществу и упомянутые выше идеологию легитимности и аутентичности, а также идеологию языка — местности следует отнести к *статическим*; к *динамическим* идеологиям относятся попытки отдельных представителей диаспоры расширить сферы использования марийского языка за счет новых технологий (см. п. 3.2.). Тем не менее, в настоящее время усилия активистов марийской диаспоры по продвижению этнического языка, попытки сделать этнический язык «видимым» в полиэтническом и полилингвальном пространстве московского региона, в большей степени подвержены влиянию *статических* идео-

логий, сохранению традиционных культурных форм. Марийский язык по-прежнему крепко связан с марийской деревней (что, впрочем, вполне объяснимо: малая родина, о которой представители диаспоры тоскуют и которой им не хватает в московских буднях, расположена именно в сельской местности), однако шире — место марийского языка исключительно в марийской деревне, даже в сознании тех, кто продвигает его использование в новых технологиях, а значит — априори придерживается динамической идеологии. *«У меня есть группа, для марийской молодежи, можно сказать. Я ее образовал пять лет назад. Там почти десять тысяч мари, подписчиков. До этого не было еще такой группы, чтобы писать каждый день. Как дневник. Если там сначала посмотреть первые записи, то там реально дневник, там даже семья живет. То есть герой не просто один. Там у каждого своя роль была, мне было так легче придумывать всякие штуки, всякие истории. Я пишу именно про деревенскую жизнь, про деревню. Я все думал, думал, может, на самом деле... может... я же вроде теперь в Москве»* (I, М., 29). В Москве действуют проекты, нацеленные на продвижение марийского языка и культуры, однако начинания активистов, по их признанию, воспринимаются в диаспоре с трудом: *«массы все передергивают»* (I, М., 47).

3.2 Новые носители марийского и новые технологии для использования марийского

Одним из факторов поддержания витальности языка является его использование в новых сферах и СМИ [UNESCO 2003: 11]. Использование новых технологий позволяет создать публичный профиль для языка, находящегося в миноритарной ситуации, поддерживать лингвистическую идентичность его носителей вне зависимости от места их проживания [Crystal 2000: 142] и привлечь новых носителей [Sallabank 2013: 90].

Наиболее активными представителями марийской диаспоры, в том числе и новыми носителями, создаются блоги, ведутся личные странички на марийском языке. Нужно отметить, что многие респонденты в выборке в социальных сетях охотно пишут на марийском близким друзьям и родственникам (поздравления, отдельные фразы или слова); тем не менее, являясь участниками социальных сетей, нечасто отваживаются писать комментарии к постам, рассчитанным на более широкую аудиторию, хотя и проявляют к ним интерес. Если оставить в стороне особенности характера («Я стеснительный»), остаются две основные причины.

Во-первых, не все владеют письменными нормами литературного марийского языка. Среди республиканских мари — это те, кто являлись в прошлом учащимися русских школ, не изучали марийский вовсе, или те, кто изучали марийский в качестве государственного, после принятия Закона о языках в Республике Марий Эл (1995). Среди внереспубликанских (в выборке — уроженцы преимущественно Кировской и Свердловской области, мест компактного расселения марийцев) — те, кто в системе школьного образования не застали в программах обучение марийскому языку. *«Соцсети на марийском — да, состою. Смысл понимаю, бывают какие-то слова не знаешь, спросишь, а смысл понять можно. Спрашиваю у тех, кто написал. Что вы там написали? (смеется). На русском пишу. На русском. Сама не пишу на марийском. Это просто, наверное, незнание правильного правописания марийского»* (I, Ж., 30).

Во-вторых, в марийской языковой среде достаточно мощно, учитывая диалектное разнообразие в марийском языке, ощущаются идеологии прескриптивизма (см. п. 3.1.) и пуризма. Под последним скрывается стремление защитить язык или диалект от нежелательного внешнего воздействия, иностранных заимствований, неологизмов, жаргонизмов и т. д. Кроме того, «непреклонный, осуждающий пуризм — худший сценарий для выживания любого языка»: пуризм, действу-

ющий от имени языка, находящегося под угрозой исчезновения, едва ли лучше пуризма, действующего от имени доминирующего языка [Crystal 2000: 117–126]. *«Марийский в интернете ... я думаю опять-таки нет для него места, потому что марийцы у нас все очень разные. Марийцы все очень нетерпимые друг другу. Потому что даже раньше, когда я более-менее общалась в кругу марийских сообществ, там очень придирались к марийскому. Просто у нас в каждом районе свой марийский определенный. И люди никогда не могли это понять, и они постоянно были придиричивы друг к другу: “Вот ты неправильно общаешься на марийском”. И так далее. И получается, среди марийцев в Москве легче общаться на русском. Просто иногда с друзьями бывает, да, вставляем друг другу какие-то комментарии на марийском. Комментарии на марийском — это бывает. Но чтобы именно в марийском сообществе написать и общаться на марийском — этого нет»* (I, Ж., 28). Этот комментарий принадлежит респонденту, который родился и вырос в марийской деревне в семье, где языком общения выступал марийский, марийский же в качестве предмета изучался им в школе. Неудивительно, что те, кого мы отнесли к новым носителям марийского, вовсе не чувствуют уверенности, если им приходится использовать марийский на письме. *«В марийских соцсетях — только “Марийцы России” и группа “Марийцы Москвы”. Там не пишу, потому что надо писать грамотно, нечего позориться! (улыбается). Это мне мать посоветовала, что не надо... на ломаном. Знаете... люблю грамотно писать, поэтому не позволяю себе этого! (смеется). Пару раз я сделал посты на марийском языке. Но там были неправильно построены выражения, поэтому она так... из-за этого... сказала. В Контакте писал, она помогла их скорректировать, и я эти посты оставил. И потом самостоятельно больше не писал. Не то чтобы она сказала, что этого не надо делать совсем, просто это надо делать грамотно. Потому что есть такое понятие — чистоплотный человек, то есть надо все делать правильно. Марийцы*

тоже — другие, те, которые бегло разговаривают, — они тоже внимательно следят, чтобы было написано грамотно» (I, М., 31). «В инстаграме пишу на марийском языке. Мне хотя трудно писать на марийском языке, потому что сейчас к этому очень придираются, если неправильно. Те же с Марий Эл люди пишут, что вы неправильно написали. Надо написать вот так вот! Но я им ничего не отвечаю. Спасибо и всё» (I, Ж., 33).

Впрочем, пуризм, страшась изменений, поскольку «склонен видеть в каждом изменении упадок и разрушение» [Edwards 2009: 259], в конечном счете сам подвержен изменениям. С одной стороны, в силу достижения определенного возраста и статуса в языковом сообществе индивид, ранее подвергавшийся гонениям со стороны более старших представителей, сам склонен бороться за чистоту языка. «Вот эта группа, которую я веду, научила меня заново выучить все эти правописания. Как это пишется, как другое. Всё это заново пришлось. Ну, я изначально старался писать правильно, даже запятые я смотрел — где их ставить. Но все равно у меня сразу не получалось, да, наезжали. В основном — это после 30 лет и больше. Ну да, в основном после сорока, после тридцати. Ну в стиле, что ты типа... издеваешься над марийским языком. Ну, я там использовал марийские и русские слова одновременно. <...> Сейчас молодежь марийская... они начали хотя бы разговаривать! Есть, конечно, такие, которых читать невозможно, с грамматикой большие проблемы. Ну я, конечно, исправляю. Если что-то дельное предлагают. И однажды я сказал: “Вы что, совсем отупели? Не умеете писать по-марийски?!” Ну они, конечно, посмеялись, там 300 или 400 лайков собрала эта надпись. Они просто посмеялись. Я как отец их покритиковал!» (I, М., 29). С другой стороны, некогда яркие пуристы также склонны пересматривать свои убеждения, переехав в московский регион и осознав всю его специфику (городская среда, полилингвальное пространство мегаполиса в целом и при этом — безусловное господство

русского языка). *«Когда я жила в Йошкар-Оле, я видела, конечно, что пишут с ошибками в интернете. В силу того что я преподаватель марийского языка, я сразу отписывалась, указывала на ошибки! Противная тетя была! (смеется). Раньше я, наверное, другой была. В силу того что в республике другой была жизнь, я не знала, что происходит в Москве. Сейчас я могу сравнить и как-то спокойно отнестись к тому, что, допустим, кто-то что-то неправильно сказал. Мне нужно было приехать сюда, попасть в это общество марийской молодежи в Москве и буквально пару месяцев — и я поняла, что не надо тыкать. Зачем человеку указывать, возможно, его это заденет! Я потом поняла, что некоторые давно живут в Москве, им сложно дается, все-таки здесь больше на русском разговаривают!»* (I, Ж., 27).

Исследователями отмечается постепенный сдвиг идеологий в более позитивную сторону (в пользу сохранения миноритарных языков) во всем мире и на самых разных уровнях, включая широкие массы, тем не менее последние в большинстве своем все еще придерживаются традиционных, «эссенциалистских» взглядов на вопросы языка и идентичности [Sallabank 2013: 66–79]. Результаты, полученные в нашем исследовании внутренней диаспоры, таким образом, косвенно подтверждают тенденцию к медленным изменениям в языковом сообществе как по отношению к миноритарному языку, так и по отношению к новым носителям миноритарного языка.

Заключение

Несмотря на то что 93 % респондентов в общей выборке указали на владение марийским языком, социолингвистические биографии респондентов косвенно свидетельствуют о том, что языковые компетенции опрошенных неодинаковы. В выборке нами была выделена особая категория респондентов, которых мы условно отнесли к новым носителям марийс-

кого: для них характерно пассивное знание марийского языка и осознанно принятое решение практиковать и «реактивировать» свой марийский язык в настоящее время. Однако языковые практики новых носителей неизбежно сталкиваются с языковыми идеологиями традиционных носителей: в частности, идеологией аутентичности и легитимности (респонденты упоминали тот факт, что часто подвергались насмешкам, поскольку их акцент не воспринимался слушающими как марийский), пуризмом (особенно при использовании марийского посредством новых технологий на письме) и прескриптивизмом, имеющими сильное влияние в марийском языковом сообществе, где господствующее положение занимает модель традиционного носителя. Данная модель, в свою очередь, имеет иерархическую структуру, в которой одни носители считаются самыми/более/менее/наименее традиционными, чем другие.

Наличие подобных идеализированных социокультурных лингвистических моделей приводит к делегитимизации новых носителей, помещая их в самом низу социально конструируемой социолингвистической иерархии. Основная причина заключается в том, что новые носители склонны нарушать социокультурные профили воображаемого идеального носителя; кроме того, они нередко выходят за рамки того, что считается аутентичным, допустимым и правильным использованием языка. Таким образом, новые носители, по крайней мере имплицитно, бросают вызов распространенным в языковом сообществе представлениям относительно того, какими должны быть говорящие на том или ином языке и какими должны быть их лингвистические практики [Smith-Christmas et al. 2018: 5]. Как показали результаты обследования, язык, по мнению опрошенных, является одним из ключевых маркеров этнической идентичности, при этом межпоколенная передача этнического языка в марийской диаспоре довольно слабая, что почти неизбежно приводит к языковому сдвигу во втором поколении, а с утратой этнического язы-

ка — к размыванию этнических границ группы. Соответственно, усилия марийской диаспоры должны быть направлены не только на поддержание этнического языка, но и на его ревитализацию, подразумевающую изменение отношения членов сообщества к своему языку, увеличение относительного количества говорящих на языке, расширение сфер использования языка [Grenoble, Whaley 2006: 13]. В этом смысле новые носители марийского, которые остаются преимущественно на крайней периферии и маргинализируются внутри и без того маргинализованной группы [Smith-Christmas et. al. 2018: 11], являются важным фактором, способствующим витальности языка в диаспоре, поскольку в своем стремлении овладеть этническим языком они препятствуют языковому сдвигу.

Литература

Агранат Т. Б., Куцаева М. В. Категоризация нескольких финно-угорских идиомов и языковая лояльность их носителей // *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*, 2020, 10 (839): 11–24.

Беликов В. И., Крысин Л. П. *Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2016.

Всероссийская перепись населения 2010 года. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

Иванов И. Г. *История марийского литературного языка*. Йошкар-Ола, 1975.

Козлова К. И. *Очерки этнической истории марийского народа*. Москва, 1978.

Куцаева М. В. Об опыте социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона // *Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2020*. Ред. Кс. П. Семенова. Москва, 2020а, 104–111.

Куцаева М. В. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // *Родной язык*, 2020б, 2: 124–150.

Куцаева М. В. Этническая музыкальная культура московских мари (II) // *Этническая культура*, 2020в, 3 (4): 11–18.

Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. Москва, 2000.

Сепеев Г. А. *История расселения марийцев*. Йошкар-Ола, 2006.

Baker C. *Attitudes and Language*. Multilingual Matters Ltd, 1992.

Crystal D. *Language death*. Cambridge University Press, 2000.

Dauenhauer N. M., Dauenhauer R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska // L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. Cambridge University Press, 1998, 57–98.

Dorian N. C. Linguistic and Ethnographic Fieldwork // J. A. Fishman (ed.). *Language and Ethnic Identity*. Oxford University Press, 1999, 25–41.

Edwards J. *Language and Identity*. Cambridge University Press, 2009.

Gal S., Irvine J. T. *Signs of Difference. Language and Ideology in Social Life*. Cambridge University Press, 2019.

Grenoble L. A., Whaley L. J. *Saving languages. An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge University Press, 2006.

Sallabank J. *Attitudes to endangered languages: Identities and Policies*. Cambridge University Press, 2013.

Smith-Christmas C. et al. (eds.). *New Speakers of Minority Languages. Linguistic Ideologies and Practices*. Palgrave Macmillan, 2018.

Spolsky B. Second-Language Learning // J. A. Fishman (ed.). *Language and Ethnic Identity*. Oxford University Press, 1999, 181–192.

UNESCO, Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages. 2003. "Language vitality and endangerment". URL: https://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/Language_vitality_and_endangerment_EN.pdf. (дата обращения 24.08.2021).

Woolard K. Language Ideology as a Field of Inquiry // В. В. Schieffelin, К. А. Woolard, Р. V. Kroskrity (eds). *Language Ideologies: practice and theory*. Oxford University Press, 1998, 3–47.

References

Agranat T. B., Kutsaeva M. V. Kategorizatsiya neskolkih finno-ugorskih idiomov i yazykovaya loal'nost ih nositelei [Categorization of several Finno-Ugric idioms and the linguistic loyalty of their speakers] // *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 2020, 10 (839): 11–24. (In Russ.)

Baker C. *Attitudes and Language*. Multilingual Matters Ltd, 1992.

Belikov V. I., Krysin L. P. *Sotsiolingvistika: uchebnik dlya bakalavriata I magistratury* [Sociolinguistics: A textbook]. 2-e izd., pererab. I dop. Moscow, 2016. (In Russ.)

Crystal D. *Language death*. Cambridge University Press, 2000.

Dauenhauer N. M., Dauenhauer R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska // L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. Cambridge University Press, 1998, 57–98.

Dorian N. C. Linguistic and Ethnographic Fieldwork // J. A. Fishman (ed.). *Language and Ethnic Identity*. Oxford University Press, 1999, 25–41.

Edwards J. *Language and Identity*. Cambridge University Press, 2009.

Gal S., Irvine J. T. *Signs of Difference. Language and Ideology in Social Life*. Cambridge University Press, 2019.

Grenoble L. A., Whaley L. J. *Saving languages. An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge University Press, 2006.

Ivanov I. G. *Istoriya marijskogo literaturnogo yazyka* [History of the Mari literary language]. Yoshkar-Ola, 1975. (In Russ.)

Kozlova K. I. *Ocherki etnicheskoi istorii marijskogo naroda* [Essays on the ethnic history of the Mari people]. Moscow, 1978. (In Russ.)

Kutsaeva M. V. Ob opyte sotsiolingvisticheskogo obsledovaniya v marijskoi diaspore moskovskogo regiona [On the experience of sociolinguistic research in the Mari diaspora of the Moscow region] // *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. Sbornik trudov konferentsii 2020*. Moscow, 2020a, 104–111. (In Russ.)

Kutsaeva M. V. Marijtsy Moskvy: etnicheskaya identichnost' i yazykovaya loyal'nost v usloviyah vnutrennei diaspory [Mari of Moscow: ethnic identity and linguistic loyalty in the context of the internal diaspora] // *Rodnoy yazyk*, 2020б, 2: 124–150. (In Russ.)

Kutsaeva M. V. Etnicheskaya muzykal'naya kul'tura moskovskih mari (II) [Ethnic music culture of the Moscow Mari (II)] // *Etnicheskaya kul'tura*, 2020в, 3 (4): 11–18. (In Russ.)

Narody Povolzh'ya i Priural'ya. Komi-zyryane. Komi-permyaki. Marijtsy. Mordva. Udmurty [The peoples of the Volga and Ural regions. Komi Zyryans. Komi-Perm. Mari. Mordva. Udmurts]. Moscow, 2000. (In Russ.)

Sallabank J. *Attitudes to endangered languages: Identities and Policies*. Cambridge University Press, 2013.

Sepeyev G. A. *Istoriya rasseleniya marijtsev* [History of the settlement of the Mari]. Yoshkar-Ola, 2006. (In Russ.)

Smith-Christmas C. et al. (eds.). *New Speakers of Minority Languages. Linguistic Ideologies and Practices*. Palgrave Macmillan, 2018.

Spolsky B. Second-Language Learning // J. A. Fishman (ed.). *Language and Ethnic Identity*. Oxford University Press, 1999, 181–192.

UNESCO, Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages. 2003. "Language vitality and endangerment". URL: https://unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/Language_vitality_and_endangerment_EN.pdf. (дата обращения 24.08.2021).

Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 goda [Russian Census 2010]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis_2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (In Russ.)

Woolard K. Language Ideology as a Field of Inquiry // В. В. Schieffelin, К. А. Woolard, Р. V. Kroskritt (eds). *Language Ideologies: practice and theory*. Oxford University Press, 1998, 3–47.

Марина Васильевна Куцаева
Московский государственный
лингвистический университет
Москва, Россия
Marina Vasilievna Kutsaeva
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia
marina.kutsaeva@iling-ran.ru